

ПИСАТЕЛЬ СТАЛИН: ЗАМЕТКИ ФИЛОЛОГА

Михаил Вайскопф

Однажды он сам назвал себя писателем. И все же в качестве заглавия это определение многим покажется странным. О каком «писателе» может идти речь, если русский язык был для Джугашвили чужим, а его публицистика не блистала никакими литературными талантами? Ведь сталинский стиль выглядит примитивным даже на фоне общеполитического волапука. В ответ на эти априорные возражения, с которыми я уже не раз сталкивался, мне остается напомнить, что именно стиль, язык явился непосредственным инструментом его восхождения к власти, а следовательно, обладал колоссальным эффектом, причина которого заслуживает изучения. По семантической насыщенности этот минималистский жаргон приближается к поэтическим текстам, хотя сфера его действия убийственно прозаична.

Ближайшая задача публикуемой работы — произвести вводный разбор словаря и основных риторических приемов Сталина. По профессии я литературовед, а не историк сталинской эпохи, и занимают меня не столько биографические или политические реалии, изученные такими знатоками предмета, как А. Улам, Р. Такер, Дм. Волкогон и др., сколько внутренняя организация сталинского текста. По возможности, я стремился идти от готовых теорий или предубеждений назад — к фактам, к текстовой эмпирике, к непосредственному генезису и контексту. В этом смысле предлагаемый разбор всецело примыкает к традиции, означенной Андреем Белым в его книге о Гоголе: «Не бесцельны... скромные работы собирателей сырья: в качестве... введения к элементам поэтической грамматики... работа моя... не бесполезна... Все же, что не имеет прямого отношения к... «словарю», я предлагаю рассматривать как субъективные домыслы, как окрыляющие процесс работы рабочие гипотезы, легко от нее отделимые и не могущие никого смутить».

Мать, которая родила

В литературе всегда указывается на гипнотическую тавтологичность сталинского стиля. Прием этот давался ему легко уже вследствие ограниченности его словарного фонда, но со временем получил целенаправленное развитие.

Порой Сталин пытается замаскировать тавтологии за счет простого удлинения фразы, но делает это не слишком удачно. Так, Антей «питал особую признательность к *матери своей, которая его родила, вскормила и воспитала*». В ряде случаев посылки и вытекающие из них выводы у него совершенно тождественны, классификация их абсурдна. Ср.:

«Она [женщина] может загубить общее дело, если она забита и *темна*, конечно, не по своей злой воле, а *по темноте своей*».

«Товарищи! Мы, коммунисты, — люди особого склада <...> Не всякому дано быть членом такой партии. Не всякому дано выдержать невзгоды и бури, связанные с членством в такой партии. Сыны рабочего класса, сыны нужды и борьбы, сыны героических лишений и героических усилий — вот кто, прежде всего, должны быть членами такой партии. *Вот почему* партия ленинцев, партия коммунист-

тов, называется вместе с тем партией рабочего класса».

Если оставить в стороне роскошный образ «сынов лишений и усилий», то суть тирады сведется к тому неоспоримому положению, что «сыны рабочего класса» состоят в «партии рабочего класса». (Впрочем, «сыны лишений» потребовались автору и для того, чтобы растворить в них свое непролетарское происхождение.)

«Разжигание борьбы означает не только организацию и руководство борьбой. Оно означает вместе с тем <...> раздувание классовой борьбы».

«Тов. Санина и Веншер делают шаг назад в сторону отсталости».

«Россия стала очагом ленинизма, а <...> Ленин — его творцом».

Сгущаясь, сталинские тавтологии обретают маниакальную назойливость:

«Если уж брать примеры, то лучше было бы взять пример с гоголевского Осипа, который говорит: «веревочка? — давайте сюда, и веревочка пригодится». Уж лучше поступать так, как поступал гоголевский Осип. Мы не столь богаты ресурсами и не так сильны, чтобы могли пренебрегать веревочкой. Даже веревочкой мы не должны пренебрегать. Подумайте хорошенько, и вы поймете, что в нашем арсенале должна быть и веревочка».

Еще одна щедрая порция масла масляного:

«Противоречия можно преодолеть лишь путем борьбы за те или иные <...> цели борьбы, за те или иные методы борьбы, ведущей к цели».

Есть, разумеется, и чисто ритуальные многословные повторы — рассмотрим хотя бы его отчетный доклад на двух партсъездах. Готовясь к одному из них, Сталин попросту чуть видоизменил фразы из своего предыдущего выступления:

XVI съезд

XVII съезд

Товарищи! Со времени XV съезда прошло два с половиной года. Период времени, кажется, не очень большой. А между тем за это время произошли серьезные изменения в жизни народов и государств.

Такова картина нынешнего положения в двух словах.

Перейдем к рассмотрению данных об экономическом кризисе в капиталистических странах.

Промышленный кризис главных капиталистических стран не просто совпал, а переплелся с сельскохозяйственным кризисом в аграрных странах.

Нынешний экономический кризис развертывается на базе общего кризиса капитализма.

Важнейшим результатом мирового экономического кризиса является обнажение и обострение противоречий, присутствующих мировому капитализму.

Товарищи! Со времени XVI съезда прошло более трех лет. Период не очень большой. Но он более, чем какой-либо другой период, насыщен содержанием.

Такова общая картина международного положения в данный момент.

Перейдем к рассмотрению основных данных об экономическом и политическом положении капиталистических стран.

Кризис промышленный переплелся с кризисом аграрным, охватившим все без исключения аграрные и индустриальные страны.

Промышленный кризис разразился в условиях общего кризиса капитализма.

Результатом затяжного экономического кризиса явилось небывалое доселе обострение положения капиталистических стран.

Вполне понятно, что в этой обстановке так называемый пацифизм доживает последние дни.

Не удивительно, что буржуазный пацифизм влечет теперь жалкое существование.

Хотя в обеих речах, естественно, присутствуют различающиеся между собой содержательные моменты, обусловленные историческими сдвигами за истекший период, процитированные мною параллельные фрагменты можно без всякого труда поменять местами. Но если здесь тавтологии объясняются хотя бы обрядовым характером съездов, то в других случаях у Сталина нетрудно найти прямое дублирование обширных пассажей, продиктованное простой любовью к механическому воспроизведению текста, без всякой на то необходимости. Так, он буквально повторяет вопросы своего японского интервьюера Фусе. Можно было бы предположить, что, отвечая на них, Сталин хочет выиграть время или желает удостовериться, что он правильно понял собеседника — но без учета этого пристрастия к тавтологиям все равно будет непонятно, зачем ему понадобилось дублировать реплики журналиста в самой публикации.

«Вопрос. У нас, у японского народа, есть лозунг — «Азия для азиатов». Не находите ли Вы общность между нашим стремлением и вашей революционной тактикой по отношению к колониальным странам Востока?

Ответ. Вы спрашиваете: нет ли общности между лозунгом «Азия для азиатов» и революционной тактикой большевиков в отношении колониальных стран Востока? <...>

Вопрос. Не считаете ли Вы все чаще и чаще происходящие в Китае, Индии, Персии, Египте и других восточных странах события предзнаменованием того, что близко то время, когда западным державам придется похоронить себя в ту яму, которую они сами себе вырыли на Востоке?

Ответ. Вы спрашиваете: не считаю ли я, что усиление революционного движения в Китае, Индии, Персии, Египте и других восточных странах является предзнаменованием того, что близко то время, когда западные державы похоронят себя в той яме, которую они сами себе вырыли на Востоке?»

И этот же метод он настойчиво внедряет в свои развернутые теоретические и полемические упражнения.